

Branko Tošović, Arno Wonisch (Hg.)

Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil

WWW

Slawische Sprachkorrelationen

Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität
Kommission für Stilistik beim Internationalen Slawistenkomitee
Graz 2016

Inhalt • Содержание

Vorwort [Предисловие]	9
Светлана Ф. Барышева (Москва). Фонетические „заимствования“ в интернет-коммуникации [„Phonetische Entlehnungen“ in der Internet-Kommunikation]	13
Татьяна В. Чернышова (Барнаул). Модели конфликтного речевого взаимодействия в неофициальном публичном общении (на материале обсуждений в социальных сетях интернет-коммуникации) [Modelle der sprachlichen Konfliktaustragung in inoffiziell- öffentlicher Kommunikation (anhand von Erörterungen in sozialen Internet-Netzwerken)]	21
Данијел Дојчиновић (Бањалука). (Не)линеаризованост и (не)довршеност хипертекста [Die (Nicht-)Linearität und (Un-)Vollendetheit des Hypertextes]	35
Александра Ѓуркова (Скопје). Стилот и јазикот на македонските интернет-портали [Der Stil und die Sprache mazedonischer Internet-Portale]	45
Jana Hoffmannová (Praha). Internetová čeština: ekonomie a redukce vyjadřování, explicitnost a implicitnost [Das Tschechische und das Internet: Ökonomie und Reduktion des Ausdrucks, Explizität und Implizität]	55
Елена В. Какорина (Москва). Интернет через зеркало метафоры [Das Internet im Spiegel der Metapher]	65
Лариса Ц. Касперова (Москва). Художественная рефлексия в интернет-комментариях [Die künstlerische Reflexion in Internet-Kommentaren]	87

**Модели конфликтного речевого взаимодействия в неофициальном
публичном общении
(на материале обсуждений в социальных сетях интернет-коммуникации)**

В докладе на материале обсуждения социально-культурных тем, развертывающегося между участниками интернет-коммуникации в социальных сетях, рассматриваются типологические признаки неофициального публичного взаимодействия, к которым относятся: мотивы и цели участников обсуждений; факторы, способствующие или препятствующие успешной коммуникации в социальных сетях; сигналы зарождающегося речевого конфликта; разные сценарии конфликтного речевого взаимодействия коммуникантов; языковые и неязыковые средства и способы речевого воздействия на оппонента; различные лингвоперсонологические типы участников интернет-коммуникации в зависимости от их целей, задач, мотивов, ожидаемого эффекта речевого взаимодействия и т. п. Особое внимание уделяется социальным, психологическим и культурным аспектам описания личности и ее культурно-социальным навыкам в сфере обыденного неофициального и официального общения, с другой, – дискурсивным аспектам интернет-общения и возможностям его конфликтного развертывания в ситуации речевой интеракции.

Тема данного доклада предполагает обращение к следующим вопросам: каковы признаки нарастающего речевого конфликта в ходе обсуждения социально-культурных тем в соцсетях (1), каков инвариант (типовой сценарий) модели конфликтного речевого общения и каковы ее вариативные особенности (2), наконец – как различные участники публичной коммуникации реализуют в процессе конфликтной коммуникации свои лингвоперсонологические свойства (3).

1. Признаки нарастающего речевого конфликта в ходе обсуждения социально-культурных тем в соцсетях

Социальная сеть (от англ. social networks) характеризуется разработчиками как „интернет-площадка, сайт, который позволяет зарегистрированным на нем пользователям размещать информацию о себе и коммуницировать между собой, устанавливая социальные связи“ (Социальная сеть-www). Социальные сети объединяют людей, разных по национальности, вероисповеданию, профессии, социальному статусу, возрасту, полу и т. д.

Основное предназначение социальной сети – создание условий для общения друг с другом напрямую, без использования дополнительных инструментов комментирования записей, выражения своего мнения. Социальная неоднородность участников социальных сетей требует от них особых навыков общения, умения переключаться с одного регистра на другой, знания психологии межличностного и одновременно публичного взаимодействия, умения предвидеть последствия того или иного речевого поведения.

Очевидно, что подобное качественное разнообразие субъектов коммуникации способствует провоцированию **конфликтных речевых ситуаций**, чаще всего вызванных оценочными суждениями участников интеракций.

Таким образом, осмысление характера использования текстов в речевых (социальных) ситуациях (то есть не только как собственно языковой единицы, но и как единицы коммуникативной, как единицы общения), по мнению М. Н. Кожиной, высказанному в 90-е гг., требует от исследователя как лингвистических знаний, так и учета „ситуации общения и целого ряда экстралингвистических факторов, вплоть до широкого социокультурного контекста, в котором протекает познавательная коммуникативная деятельность (как реализация неречевой деятельности)“ (Кожина 2002: 21–22).

Данное утверждение как нельзя лучше подходит для характеристики особой коммуникативно-речевой ситуации, характеризуемой специалистами как **конфликтная речевая ситуация**.

„Конфликтная ситуация – развитие конфликта в конкретный временной период, характеризующееся накопившимися различиями, которые связаны с деятельностью субъектов социального взаимодействия и создают почву для реального противоборства между ними“ (Вишневская 2003-www).

Речевой конфликт возникает в особой конфликтной речевой ситуации.

„Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими – негативными – средствами языка и речи. Такие речевые действия говорящего – субъекта речи, адресанта – определяют речевое поведение другой стороны – адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые

действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету речи или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция и есть **речевой конфликт**” (Третьякова 2010: 155).

Основой комментария в соцсетях, как и в официальных средствах массовой информации, всегда служит какой-либо вербальный или невербальный факт (событие). Однако если в СМИ это, как правило, социально значимое событие (Чернышова 2014: 236–242), то в социальных сетях – это любой факт, событие, фотография, цитата и т.п., чем-то поразившие автора, пожелавшего выставить его на всеобщее обсуждение.

Рассмотрим на нескольких примерах нарастание конфликтной речевой ситуации в ходе интерактивного обсуждения в социальной сети („ОДНОКЛАССНИКИ“),

Пример 1. Основой речевого конфликта послужило высказывание одного из участников – Андрея З. (In: <http://ok.ru/profile-www>):

„МЫ ДОЛЖНЫ БЛАГОДАРИТЬ БОГА: За супруга, который храпит по ночам: значит, он не у любовницы. За сына, который непрерывно смотрит телевизор: значит, он не шляется по улицам. За налоги, которые вы платите: значит, у вас есть работа. За посуду, которую нужно мыть после вечеринки: значит, у вас есть друзья. За одежду, которая становится маловата: значит, у вас достаточно еды. За вашу тень: значит, вокруг вас много солнечного света. За газон, который надо стричь, окна, которые надо мыть, трубы, которые забиты: значит у вас есть дом. За жалобы на правительство: значить у вас есть свобода слова. За место в самом конце паркинга: значит, вы ещё способны ходить, и мало того — у вас есть машина. За даму, которая ужасно орет вам в ухо: значит вы ещё способны слышать. За гору стирки: значит, вашей семье есть ещё что надеть. За усталость в конце дня: значит, вы ещё можете поработать на славу. За будильник, который будит вас ни свет ни заря: значит, вы ещё живы. Благодарение Богу!“.

Данный текст, несмотря на начальные и конечные фразы (*МЫ ДОЛЖНЫ БЛАГОДАРИТЬ БОГА; Благодарение Богу!*), пронизан иронией. Сигналами иронии является организация композиции текста на основе конструкций причинно-следственного типа, использование приема параллелизма, а также стилистически не-нейтральная лексика и фразеология, например: *супруг, который храпит по ночам; сын, который не шляется по улицам; За даму, которая ужасно орет вам в ухо; трубы, которые забиты; За гору стирки; будит вас ни свет ни заря* и др.

Как указывает Э. Чепкина применительно к текстам СМИ, „В прагматическом аспекте использование иронии несет в себе определенную опасность: сигнал может быть не опознан, или, даже обнаружив иронические коннотации, адресат не сможет их интерпретировать” (Чепкина 2000: 223).

Буквальный смысл высказывания моделирует одних коммуникантов, для которых только этот смысл и является единственным. А сигнал иронии, который ставит под сомнение, опровергает первый смысл, моделирует других коммуникантов, понимающих сказанное противоположным образом». Иными словами, иронический текст требует от читателя интеллектуальной работы, читатель должен быть подготовлен к восприятию второй модели коммуникации. В противном случае речевое развертывание как в СМИ, так и в социальных сетях будет носить конфликтный характер.

Так, в приведенном выше „религиозном” наставлении речевой конфликт закладывается с первой фразы Любви Б.: *Я <А> бог то тут при чём?* и после нескольких фраз участников и автора: Татьяна Ч.: *Бог-то Бог, но будь и сам неплох!* | Андрей З. ответил Любви: *А ОН всегда причем!* | Андрей З. ответил Татьяне: *Абсолютно!!!* | Любовь Б. ответила Андрею: *И где он?....Тешите себя иллюзиями чтоб не отвечать за собственную жизнь!* | Андрей З. ответил Любви: *Пусть даже и так!* перерастает в конфликтный диалог автора высказывания Любви Б.:

Любовь Б.(К.) ответила Андрею: *Удачи)))).....мне с вами не по пути))))* | Андрей З. ответил Любви:

Спасибо! А я Вас сюда и не приглашал!!! |

Любовь Б.(К.) ответила Андрею: *Это точно, но тупость так бросалась в глаза, что забрела чтоб сказать что я об этом думаю* | Андрей З. ответил Любви:

Вы могли бы и промолчать! Но видимо захотелось нахамить? Мне то уж точно с Вами не по пути! Хамите у себя на страничке!!!

(повышенная тональность высказывания обусловлена использованием оппонентом лексемы „тупость”, которая расценивается автором текста как грубый выпад против него и квалифицируется как хамство). | Любовь Б.(К.) ответила Андрею:

А Вам дает????Вы читали что написали???? МЫ ДОЛЖНЫ..... и этому кто то ставит класс и эта х..нь высвечивается на моей странице..... | Андрей З. ответил Любви: У Вас есть выбор, сайт его Вам дает! | Любовь Б. ответила Андрею:

Я воспользовалась своим выбором. Я высказала своё отношение к подобного рода высказываниям, на этом прощаюсь. | Андрей З. ответил Любви:

Если Вы не увидели легкую иронию в этой заметке, тогда извините! Не всем это дано!!! Удачи!!!

В условиях перерастания обсуждения в речевой конфликт совокупность языко-стилевых средств, используемых для снижения статуса коммуниканта в соцсетях, варьируется в пределах от сниженных разговорно-просторечных до грубых, даже обценных языковых единиц, например: *Это точно, но тупость так бросалась в глаза, что забрела чтоб сказать что я об этом думаю; и эта х..нь высвечивается на моей странице;* и др.

Показателен и экспрессивный синтаксис монологов Любви Б., которая для выражения эмоций возмущения, негодования и неприятия позиции оппонента использует риторические вопросы (*А Вам дает????Вы читали что написали????*), не предполагающие ответа. Активно используются и невербальные средства выражения эмоций (комбинации знаков препинания, разный шрифт, прописные буквы, графические изображения – «смайлики» и т. п.).

Пример 2. Предметом обсуждения участников стали две фотографии женщин в одном и том же платье: одна из них – модель, рекламирующая очень открытое вечернее платье для продажи в интернет-магазине, вторая – обычная женщина, несколько полноватая, купившая это платье, которое, по всей видимости, не оправдало ее ожиданий, о чем свидетельствует и тема обсуждения: „ожидание-реальность“ (<http://ok.ru/profile-www>). Поскольку обсуждение посвящено моде, то среди участниц – преимущественно женщины разного возраста, разных национальностей и т. п.

Сначала участницы обсуждения единодушно осуждают выбор платья, поскольку оно не подходит купившей ни по фасону, ни по размеру, ни по фигуре:

Алёна Б.: вопрос: зачем вообще этой женщине понадобилось такое платье??? т.е. изначально непонятно было, как оно "сядет" по фигуре?(((| Класс! 48 | Олеся Я., ответила Алёне: Вот именно. Тут дело не столько в платье, сколько в необъятных телесах))) | Класс! 25 | Зумруд И.: Отчаянная женщина:-D | Класс! 8 | Наталья Р.: да...вот это фигура))) нужно кило так ...цать скинуть..ну а потом примерить)) | Класс! 7 | Анастасия Г.: Это точно какая модель и какая женщина которая заказала / Класс! 4 | инга буиф: :-) :-) :-) | Класс! 1 | Татьяна Щ.: платье то красивое, модель не подходит [...].

По мере развертывания обсуждения отзывы участниц становятся все более эмоциональными и выражаются следующими негативно оценочными словами, оборотами и целыми предложениями:

Она что, себя в зеркало не видела, прежде, чем платье заказывать???, она возможно и не толстушка., но то, что не идеальна и мозгов нет.. купить такое платье.- это однозначно..; платье такое же, а вот фигура не та, не та. не чего на зеркало пенять коли рожжа кривая; Платье отличное, а вот тушка в нем смотрится ужасно [...]. Думать надо, прежде чем такое платье заказывать; Ужас; ужассссссссссссссссссс; тихий ужас; ахаха!!!; Ii bez mozgov))) ; Ржу, не могу!!; Давно я так не ржала и подобные.

Данные негативные характеристики поддерживаются большим числом пассивных участников, которые в обсуждении не участвуют, но отмечают понравившееся им суждение при помощи опции „Класс“ – в приведенных фрагментах уровень поддержки варьируется от 4 до 25 и выше.

На таком эмоциональном фоне осуждения полных женщин, которые „польстили себе“, выбрав откровенное платье, развертывается речевая конфликтная ситуация между „полными“ и „худыми“ участницами обсуждения, одна из которых обращается к наиболее активным противницам пышных форм со следующими словами:

Наталья Н.: *ну если вам бог дал хорошую фигуру то это не повод другим делать замечания!!! | Класс! 10 [...].*

Чтобы проследить этапы развертывания конфликтного речевого диалога (полилога), приведем весь интересующий нас фрагмент:

Алёна Б.: да просто люди у нас любят всё списывать на природу или Бога, а сами едят, что попало и двигаться лишней раз не хотят | Класс! 8 | Наталья Н.: какие умные все | Класс! 3 | Зумруд: ответила Алёне: Им так проще жить, списывать на когонибудь, кроме себя...|

Класс! 3 | **Наталья Н.: ну конечно!!! не забывайте еще есть болезни способствующие набору веса! и не важно сидеть на диете или нет, так же и про спорт. и ненадо выставлять себя такими умными /** Класс! 5 |

Антонина К. ответила Наталье:

Для хорошей фигуры НЕОБХОДИМЫ правильное питание и тренажёрный зал | Класс! 6 | Ксюшенька К: **тут было сказано** типо того что зачем делать замечания другим если бог наградил шикарной фигурой, так вот: **просто кто то следит за собой а кто то не очень, и остальное тут ни при чем, все в наших руках!** | Класс! 4 |

Танюша Г. ответила Наталье:

Тогда не надо заказывать такие вещи | Класс! 8 | Алёна Б. ответила Наталье: *Быть или не быть толстым чаще всего вопрос выбора - хочешь быть стройным, значит занимайся собой. Что касается болезней, то это скорее исключение, чем правило, которые есть всегда и везде и если уж так вышло, то надо думать, что одеваешь - в любом весе можно выглядеть привлекательно, если не напяливать на себя всё, что вздумается |* Класс! 14 | [...]

Наталья Н. ответила Алёне:

так вот вы и не обобщайте!!!будьте проще | Класс! 2 | Танюша Г. ответила Наталье: **А это наверно вы на фото раз так нервничаете?** | Класс! 7 | **Наталья Н.:** *нет. я уж до такого не дойду | Этому ужасу нет названия ! [...]* |.

Очевидно, что высказавшая иную, не совпадающую с мнением большинства участниц обсуждения точку зрения, Наталья Н. была не удовлетворена речевыми действиями говорящих, что и определило ее речевое поведение (противонаправленную интеракцию), причиной которого стало осознание того, что негативно оценочные речевые действия направлены против некой группы лиц, которые, по ее мнению, нуждаются в защите. Данная интеракция представляет собой некие ответные речевые действия, демонстрирующие как отношение к предмету речи и собеседникам в целом.

Какие речевые действия участников обсуждения побудили Наталью Н. вступить в речевое конфликтное взаимодействие? Прежде всего, общая негативная тональность осуждения „полных женщин“, рискнувших заказать себе такое откровенное платье: кроме уже указанных, в тексте встречаются и более резкие высказывания, содержащие оскорбительные оценки, выраженные просторечно-бранными и даже обценными языковыми единицами (*фууу там бы фигуру сперва в порядок привести, вы куда смотрели когда такое платье заказывали? у вас зеркала дома напрочь отсутствуют, б*** да вы же жирная для него... и подобные*).

Очевидно, что противонаправленную интеракцию порождает и безапелляционность большей части высказываний, выраженная при помощи модальных конструкций долженствования, например:

Для хорошей фигуры НЕОБХОДИМЫ правильное питание и тренажёрный зал; кто то следит за собой а кто то не очень, и остальное тут ни при чем; хочешь быть стройным, значит занимайся собой; Тогда не надо заказывать такие вещи; надо думать, что одеваешь и др.

Аргументы „защиты“ не вполне убедительны и реализуются через структуры речевого акта совета, рекомендации в довольно мягкой форме и несут в себе этическую оценку:

Наталья Н.: *ну если вам бог дал хорошую фигуру то это не повод другим делать замечания!!!* | Класс! 10 [...] | **какие умные все** | Класс! 3 | **и ненадо выставлять себя такими умными /** Класс! 5 | *так вот вы и не обобщайте!!!будьте проще* | Класс! 2 |.

Иногда эти высказывания оформлены в виде иронического согласия: *ну конечно!!!*, об эмоциональности которого свидетельствует усиленная пунктуация.

Слабая выраженность побуждения, возможно, обусловлена тем, что Наталья Н., несмотря на поддержку пассивной части аудитории (ее мнение поддерживается рядом участниц, не вступающих в обсуждение таких от двух до десяти), пытается защищать иную точку зрения практически в одиночку и испытывает противодействие сразу шести комментаторов, которые далеко не всегда обращаются к ней непосредственно. Иногда обмен мнениями происходит между участницами на фоне намеренного игнорирования иного мнения и лица, которому оно принадлежит (актуализируется оппозиция „мы – они“, „свои – чужие“), цель которого – выразить свое пренебрежительное отношение к непрошеной „защитнице“: Ксюшенька К: **тут было**

сказанно типе того что зачем делать замечания другим если бог наградила шикарнейшей фигурой, так вот: **просто кто то следит за собой а кто то не очень, и остальное тут ни при чем, все в наших руках!** По-видимому, неслучайно это конфликтное речевое взаимодействие обрывается неожиданно – после прямого вопроса одной из участниц, который одобряется группой наблюдателей (| Класс! 7|): Танюша Г. ответила Наталье: **А это наверно вы на фото раз так нервничаете?** Незамедлительно последовавший ответ Натальи Н.:

нет, я уж до такого не дойду | Этому ужасу нет названия ! |

может быть расценен как поражение в споре, о чем свидетельствует последняя часть высказывания, при помощи которой Наталья Н. дистанцируется от женщин, интересы которых она рискнула защищать.

Другой возможный выход из конфликтной ситуации демонстрирует другая пара конфликтеров, принявшая участие в том же обсуждении: Танюшка - N-Art и Юлия М. Вторая из участниц после нескольких взаимообвинительных высказываний личного характера прерывает общение следующей фразой:

Надоело читать Вас. Специально на латиницу перешли? С мозгами у меня все в порядке.

2. Инвариант модели конфликтного речевого общения в публичной интернет-коммуникации и ее вариативные особенности

„В сознании носителя языка речевой конфликт существует как некая типовая структура – фрейм. **Фрейм «конфликт»** представляет особую стереотипную ситуацию и включает в себя обязательные компоненты отражающего объекта“ (Третьякова 2010: 156–157).

К верхнему уровню фрейма относятся участники конфликтной ситуации, чьи интересы находятся в противоречии; столкновение, выявляющее их противоречие или несоответствие через речевые действия одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояния собеседника и ответные речевые действия другого участника; последствия (ущерб), который наносится речевыми действиями участника и который испытывает другой в результате указанных речевых действий.

Нижний уровень включает временную и пространственную протяженность конфликта, а также, третьих лиц, которые могут так или иначе участвовать в развернувшейся конфликтной ситуации.

„Фрейм «конфликт» закрепляет стандартные способы действий, регулируя речевое поведение его участников через структуру знаний о данном фрейме“ (Третьякова 2010: 157).

Данный фрейм можно считать **инвариантом** конфликтного речевого общения в публичной коммуникации.

Типовой сценарий конфликтной интеракции в социальных сетях, по-видимому, может быть следующим: при обсуждении какой либо темы, интересной большому числу участников и имеющей явный оценочный перевес по отношению к одной из сторон, один или несколько коммуникантов, не разделяющих точку зрения большинства, демонстрируют при помощи речевых формул свое отношение как к предмету обсуждения, так и к его участникам. Данная конфликтная интеракция в социальных сетях реализуется как на верхнем, так и на нижнем уровне фрейма **конфликт**. Однако временная и пространственная протяженность подобных интеракций незначительна, что обусловлено рядом экстралингвистических факторов, среди которых – социально-психологические и национально-ментальные различия спорящих; дискомфорт, который испытывает инвектум в процессе развертывания речевого конфликта; преобладающее число оппонентов; необходимость принять иную позицию или отстаивать свою; актуализация различных социальных стереотипов в ходе обсуждения; возможность оборвать общение в том случае, если оно становится чересчур агрессивным, и т.п. Немаловажную роль играет языковая и коммуникативная компетенции интеракторов, знание правил и норм публичного речевого поведения и владение ими, умение вести диалог и переключаться на тот или иной языковой код с учетом фактора адресата, и т. п.

3. Как различные участники публичной коммуникации реализуют в процессе конфликтной коммуникации свои лингвоперсоналогические свойства

Антропологическая составляющая современной науки о языке послужила теоретической предпосылкой появления целого ряда направлений, посвященных проблемам языковой личности, среди которых выделяются этнокультурный, психолингвистический, социолингвистический, а также лингвоперсонологический аспекты, в рамках которых изучаются типы языковых личностей, аспекты, структура языковой личности, языковая компетенция и языковая способность (Карасик 2003: 99).

Всплеск интереса к проблемам, связанным с изучением языковой личности, позволил исследователям – Ю. Н. Караулову, Г. И. Богину, В. И. Карасику, Н. Д. Голеву и др. выдвинуть идею построения общей теории языковой личности, одной из ключевых идей которой является мысль о единстве человечества, существующего в пространстве и времени (Нерознак 1996: 112).

Значительный вклад в развитие отечественной лингвоперсонологии вносят труды исследователей Сибирской лингвоперсонологической школы (Языковая личность 2014).

Очевидно, что интерес к изучению языковой личности участника социальных сетей обусловлен ее дискурсивной амбивалентностью. С одной стороны, участник обсуждений может быть охарактеризован в социальном, психологическом и культурном аспекте продуцируемой речи как некий „лингвокультурный типаж“, под которым исследователи понимают „узнаваемый образ представителей определенной культуры“ (В.И. Карасик)¹. В качестве примеров таких типажей могут быть названы, во-первых, ментально-психологические типы, выделенные в народной языковой картине мира (*балагур, демагог, пустобрех, зануда, правдолюб, этик* и др.), а во-вторых, – типы социально-культурные (*английский чудак, британская королева, американский ковбой, новый русский* и др.).

„Подключение культурологического аспекта существенным образом обогащает направление типологии ЯЛ, позволяя связать эту проблему с такими категориями современной лингвистики, как языковая картина мира и лингвистическое миромоделирование“ (Голев 2014: 13).

С другой стороны, с учетом дискурсивных особенностей интернет-общения и возможности его конфликтного развертывания, в ситуации речевого конфликта языковая личность конфликтеров реализуется через особые роли коммуникантов, различаемые по их включенности в речевой конфликт – прямой и активной (по которой можно определить субъектов или оппонентов конфликта); косвенной и вспомогательной, по которой можно определить тех, кто их явно или неявно поддерживает, – это участники конфликта. Участники конфликта делятся на прямых и косвенных. Между прямыми участниками выделяют инициатора (или зачинщика) конфликта и т. д. При этом ролевое поведение конфликтеров реализуется в следующих конфликтных типах языковых личностей: *подстрекатель, провокатор, посредник, медиатор, судья, пособник, союзник, группа поддержки, жертва конфликта* (Вишневская 2002-www).

Своеобразие интернет-коммуникации (ее малая протяженность во времени и пространстве, возможность прервать интеракцию на любом этапе без видимых последствий и т.п.), по-видимому, накладывает отпечаток на характеристику участников обсуждений в социальной сети.

С одной стороны, здесь легко определить зачинщика речевого конфликта, который с позиций лингвокультурного типажа и прежде всего через языковые структуры может быть охарактеризован как *демагог* и *волюнтарист* („воинствующий атеист“), как в примере 1, либо как *правдолюб* и *защитник обиженных* (судья), каковым выступает Наталья Н. в примере 2.

С другой стороны, в силу ограниченности речевого коммуникативного акта желанием (произволом) говорящего / пишущего, типология языковых личностей конфликтеров отличается нечеткостью и слабой выраженностью: языковые личности только намечаются через ключевые фразы их интеракций.

Так, для Андрея З. (пример 1) такой ключевой фразой, на наш взгляд, является ответная реплика на слова Любви Б.: *Удачи!!!)....мне с вами не по пути!!!) | Андрей З. ответил Любви:*

Спасибо! А я Вас сюда и не приглашал!!! | Если Вы не увидели легкую иронию в этой заметке, тогда извините! Не всем это дано!!! Удачи!!!.

Кстати, эффективность подобного завершения конфликтной речевой интеракции зафиксирована в заключительной фразе стороннего наблюдателя („союзника“ Андрея З.):

---

¹ Более подробную информацию вы найдете в работах Н. Д. Голева (Языковая личность 2014: 10–32).

Аминь ! Это современная интерпретация молитвы!, а также положительными откликами наблюдателей этого речевого конфликта ([Класс! 18 |]).

Участники обсуждения из примера 2 также выходят из ситуации речевого конфликта при помощи заключительных высказываний, которые можно считать ключевыми линиями их речевого поведения: одна из участниц прерывает неприятное речевое общение следующей фразой: *Надоело читать Вас.*

Таким образом, речевое взаимодействие в социальных сетях характеризуется следующими особенностями: неофициальный/полуофициальный характер коммуникации (интеракции), свободный отбор языковых единиц, соответствующий условиям речевого общения в данной сфере, определенность оценок. Оппоненты выражают свою точку зрения и прямо формулируют побуждения, направленные на коммуниканта: возмущение, обвинение, отказ от общения и т.п., используя самые разные средства и приемы выразительности. В то же время коммуникация в социальных сетях чаще идет „на ощупь“: предлагая тему для обсуждения, инициаторы общения имеют весьма приблизительное представление о той аудитории, которая примет участие в „разговоре“, поэтому велика вероятность непредсказуемости развертывания подобных обсуждений. Для характеристики типов языковых личностей участников конфликтных интеракций большую роль играют, с одной стороны социальные, психологические и культурные аспекты личности и культурно-социальные навыки обыденного неофициального и официального общения, с другой, – дискурсивные аспекты интернет-общения и возможности его конфликтного развертывания в ситуации речевого конфликта.

Источники

<http://ok.ru/profile/143107744/statuses/62769583123360-www>. Состояние: 09. 3. 2015.

<http://ok.ru/profile/558472445277/album/549871213661/771292348765-www>. Состояние: 12.3.2015.

Литература

а) Монография

- а) Кожина 2002: Кожина, Маргарита. *Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории*. Пермь.
- б) Чепкина 2000: Чепкина, Элина. *Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000)*. Екатеринбург.
- в) Языковая личность 2014: Голев, Николай; Шпильная, Надежда. *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология*. Москва.

б) Статья в сборнике

- а) Голев 2014: Голев, Николай. Ментально-психологические аспекты моделирования языковой личности. In: *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование*. Москва. С. 10–32.
- б) Карасик 2003: Карасик, Владимир. Аспекты языковой личности. In: *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов. С. 96–106.
- в) Нерознак 1996: Нерознак, Владимир. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. In: *Язык. Поэтика. Перевод*. Москва. С. 112–116.
- г) Сибирская лингвоперсонология. Москва. С. 10–32.
- д) Третьякова 2010: Третьякова, Вера. Конфликт в лингвистических категориях. In: Голев, Николай; Чернышова, Татьяна. *Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция*. С. 154–164.
- е) Чернышова 2014: Чернышова, Татьяна. Ирония как социальная оценка. In: *Стилистика сегодня и завтра*. Москва. С. 236–242.

с) Интернет-ресурс

а) Социальная сеть: <https://seopult.ru/library>. Состояние: 29. 08. 2014.

б) Вишневская 3-www: Вишневская, Алена. Конфликтология: http://www.life-prog.ru/1_12925_vishnevskaya-av-konfliktologiya-kurs-lectsiy.html. Состояние: 10. 3. 2015.

Chernyshova Tatiana (Barnaul)

**Models of conflict verbal interaction in an informal public communication
(on the basis of discussions on the social networks of Internet communication)**

The report on the matters discussed socio-cultural themes, unfolding between the participants of Internet communication in social networks, are considered typological features of informal public interaction, which include: motives and goals of panelists; factors that facilitate or hinder successful communication in social networks; signals emerging verbal conflict; different scenarios of conflict of verbal interaction communicants; linguistic and non-linguistic means and methods of speech influence on the opponent; various types of linguistic personological participants of Internet communication, depending on their goals, objectives, motives, the expected effect of verbal interaction, etc. Particular attention is given to the social, psychological, cultural aspects of the description of the individual and its cultural and social skills in everyday informal and formal communication, on the other - discursive aspects of Internet communication and the possibility of conflict situations in the deployment of voice interaction.

Tatiana Chernyshova
Faculty of Mass Communication, Philology and Political Science
Altai State University
656049 Barnaul
Tel.: ++8385-2366379
Fax:++83852366384
Privat: Lenin 61
656049 Barnaul
labrlexis@mail.ru
<http://www.asu.ru/structure/faculties/mass/persons/260/>